

*М.А. Пронин*

## **Виртуал команды – феноменология и теоретическая модель командообразования**

### **Введение**

Согласно Акмеологическому словарю<sup>1</sup>, команда – это сложное образование: «Команда управленческая (К.у.) – группа, ориентированная в первую очередь на решение организационно-управленческих задач руководителя, обеспечивающая усиление его влияния на организационную структуру и людей в этой структуре как на явном, так и на латентном уровнях.

К.у. в широком смысле – это группа людей, осуществляющая реальное руководство и управление в организационной структуре; в более узком смысле – это группа единомышленников, реализующая задачу, как совпадающую, так и не совпадающую с целями той организационной структуры, в рамках которой она официально функционирует.

К.у. отличается как от управленческой группы, которая выступает формально-иерархическим функциональным объединением управленцев, так и от коллектива, прежде всего реализующего деятельность, заданную извне. При этом управленческая группа может психологически выступать как в качестве команды, так и команда может быть коллективом.

Одной из особенностей К.у. является то, что, в отличие от коллектива, который всегда функционирует на уровне явной организационной структуры, она может и в большинстве случаев реально действует на уровне латентной организационной структуры.

Понятие К.у. шире, чем управленческая группа. Будучи ориентированной на реализацию организационных целей, управленческая группа может входить в состав команды руководителя, но может и полностью с ней не пересекаться. В значительной мере это определяется как характером его собственных задач, так и мерой его участия в формировании управленческой группы.

Возможно построение типологии К.у. по различным основаниям: в зависимости от их функциональной роли в организационно-управленческой структуре (команда “под идею”, команда “под конкретную управ-

ленческую задачу”, команда “защиты руководителя”), от позиции руководителя (“моя команда” – “наша команда”, “своя команда” – “формально-иерархическая команда”).

Преобладание при формировании команды мотивации “защиты себя” или “защиты дела” позволяет выделить следующие варианты формирования управленцем К.у.:

– “защита себя” (подбор людей по недостаткам для повышения управляемости, подбор по преданности для защиты в настоящем и будущем, подбор на основе неформальных связей для укрепления своей позиции, подбор-компромисс между группировками и др.);

– “защита дела” (подбор по реальным достоинствам, перспективный подбор на основе оценки потенциала, подбор единомышленников, подбор под свою задачу, подбор команды под заданную извне задачу и др.)»

Вот такое определение. Достаточно пространное и вызывающее вопросы не меньше, чем уважения к столь подробному описанию палитры феноменов проявления команды, группы, управленческой группы, коллектива и прочих вариантов и типов ее разновидностей. Определение свидетельствует о том, что попытки свести классификацию многомерного объекта к одной или двум осям (основаниям) малопродуктивны. В стороне остается и внутреннее восприятие команды у ее членов. Тем не менее приведенное определение отражает преобладающие в управлении взгляды на команду, ее описания и понимание.

Виртуальная психология оперирует виртуалами<sup>2</sup>, и нас интересует виртуал команды, иной взгляд на данный управленческий (социальный) феномен.

Виртуал команды – новое для отечественного и мирового управления понятие, на наш взгляд, позволяющее ухватить все многообразие феноменологических проявлений командообразования. Настоящая работа ставит перед собой задачу лишь первой иллюстрации данного утверждения.

## **Виртуальный человек и виртуал команды**

Разработка понимания онтологии внутреннего пространства (мира) человека, как бы мы его ни называли: психологическим, субъективным, духовным, антропологическим, субъектным и т. п. – была, есть и останется одной из фундаментальных задач философии и науки.

Практические затруднения, возникающие с «субъективным фактором» при решении сложных и/или новых задач (таких, как реформы, инновации, модернизация и т. п.), упираются не только в отсутствие конкретных знаний о возможном поведении человека – в самом широком гуманитарном смысле этих слов – в тех или иных новых/непривычных для него условиях и не столько в недостаточное наше представление о конкретных причинно-следственных зависимостях, результатах и эффектах в хитросплетениях воздействия и взаимодействия внешних факторов и внутренних реакций человека, сколько в недостаточно оформленные наши представления об онтологии его внутреннего мира. В данной области виртуалистика разработала идеализированный концепт «виртуальный человек», имеющий онтологический статус, ключевой для понимания феноменологии формирования команды.

Виртуальный человек как теоретический конструкт включает компоненты – элементы и их свойства – виртуальные реальности телесности, сознания, личности, воли, внутреннего и внешнего человека. Полагается множественность каждой из реальностей, что находит подтверждение как в наших исследованиях, так и в сопоставлении с имеющимися научными данными, например, в выделении интегральной психологией субличностей у индивида. Одновременно полагается иерархичность их развертывания и свертывания, поэтому отдельное место в работе виртуалиста, практика–артевта, занимает анализ–диагностика целостности виртуала конкретного человека, отдельного виртуального события (такого, как ошибка или бронхоастматический приступ) или единичного виртуального образа, который тоже можно назвать виртуалом, и виртуала группы: семьи, коллектива, команды, организации и пр. Виртуал, кстати, может включать традиционную систему «человек-машина».

Имея структуру концепта «виртуальный человек»: телесность, сознание, личность, воля, внутренний человек – достаточно просто увидеть феноменологию командообразования – образования коллективной (групповой) целостности: телесной, ментальной (концептуально-понятийного единства), рождение единой личности, проявления коллективной воли, рождение духа команды.

Ниже будут приведены примеры – рассказы участников Великой Отечественной войны<sup>3</sup>, иллюстрирующие феноменологию проявлений командного виртуала – виртуальной реальности команды, с моими краткими комментариями.

### **Феномен коллективной телесности, сознания и личности**

**Рассказ в книжке называется «Передислокация (Пражская операция)».**

«...Сейчас уже и не помню, каким образом начался разговор. Но для меня этот рассказ тоже явился неким эталоном того, что такое на самом деле была война – когда согласованное напряжение всех сил огромного количества людей позволяло решать задачи, масштаб которых намного превышал обычные человеческие возможности...

– Один раз мы по приказу переходили с одного фронта на другой. Шли пешком целую неделю – шесть дней, причем по территории, занятой немцами. Прошли за это время шестьсот километров.

– Папа, постой, постой! Ничего не понимаю. Это же в день по сто километров получается.

– Да. Но не за день, а за сутки.

– Ну, вот я – геолог, и что такое проходить большие расстояния, понимаю. Я могу представить себе, но с большим трудом, что один раз за сутки это можно сделать. Но шесть дней подряд?! Не понимаю.

– Правильно. А у нас в этом эпизоде специальный строй применили. Становятся взводом, по четыре человека в ряд, в полном снаряжении, с вещмешками и берут друг друга под руки. Те двое, что в середине, свои руки просовывают под вещмешок впереди идущего. Все идут в ногу, довольно быстро, и те, кто в середине, на ходу спят! Те, кто снаружи, следят, чтобы спящий товарищ не упал, если нужно, поддерживают. Потом меняются. В сутки шли по двадцать часов, плюс два часа на сон и еще два часа суммарно – переобуться, поесть и отдохнуть несколько раз. Конечно, если кто ноги в кровь сбивал или из сил выбивался, то давали возможность отдохнуть на подводах или машинах. Ну и разведчики, которые поменно впереди шли, конечно, тоже необходимый отдых получали: им-то обязательно нужно быть внимательными. Так ведь еще и стычки с немцами происходили: они время от времени на нашем пути заслоны выставляли. Вот это, конечно, было неприятно. Разведчики подходили к такому заслону, завязывали бой. А нам команда: “В цепь!” Все просыпаются, а поскольку все приемы давно отработаны, то моментально рассыпаются цепью в стороны от дороги, занимают позиции и готовятся к стрельбе и

к атаке. Наша артиллерия и минометы начинают немцев обстреливать. Но обычно до атаки дело не доходило – после небольшого боя немцы, как правило, отходили, поскольку их заслоны были немногочисленные, а у нас по каждой дороге шла не рота и не полк – больше. Вот как только немец отойдет, тут-то и начиналось самое сложное: исполнение команды “Стройся!”. Все же, как только ложились в цепь, так сразу засыпали! Попробуй всех спящих солдатиков по кустам собери, чтобы, Боже упаси, не забыть кого! Очень непросто это было.

– Папа, а что нельзя было на машинах всех перевезти?

– Понимаешь, машины, конечно, были. Но они везли свой груз и на всех техники все равно не хватало. Это же считай, вся наша 18-я армия передвигалась. Если бы полк или дивизию надо было переместить, то да, можно было бы из других частей дополнительно техники набрать. А так все вместе двинулись. Потом, подумай, какую массу груза – продовольствие, боеприпасы, горючее для всей техники и прочее хозяйство – на какое большое расстояние надо было за короткое время перевезти – тех машин, что были, и так едва хватало. На пехотинцев техники тогда не полагалось. Поэтому пешком шли.

И потом есть простое правило. Как бы ты противника не уничтожил, дух его не сломил, позиции не разбомбил, но пока пехота не прошла и не заняла территорию, победа не достигнута. Вот мы и шли...»

### **Комментарий.**

Рассказ интересен и сам по себе, и важен тем, что демонстрирует способ формирования единой (общей) телесности, сознания, личности и воли – в данном случае взвода. Кто-то в сознании, а кто-то спит. Кто-то командует. Кто-то ведет разведку, и т. д. Очень прозрачный пример, не находите?

Кстати, слова корпоративность, корпорация от слова корпус – тело. Да и само оно в армии указывает на специфическое полифункциональное войсковое объединение.

Еще один способ формирования общей телесности, по преданиям, применял Чингисхан. Если хоть один человек из десятка попадал в плен – казнили десяток. Если десяток – казнили сотню. Если сотня – казнили тысячу. Очевидна решаемая управленческая задача: коллектив должен чувствовать свои «части», свою телесность.

### **Феномен проявления командного концептуально-понятийного единства**

«Когда бежишь в атаку, целиться в кого-то некогда. Ты должен бежать 3–4 секунды до намеченной заранее ямки, а пока бежишь, успеть наметить следующую. Чуть задержался, заметался, тут в тебя обязательно попадут. *Мне это опытные солдаты сразу объяснили, как только я на фронт попал. Это одна из премудростей боя, кто ее освоил, живет дольше, это точно* (здесь и далее выделено мной. – М.П.). Обычно ведь как бывает – в отделении до наступления десять человек, из них трое или четверо – опытные, обстрелянные. Заканчивается наступление – осталось четверо: трое “стариков” и, может быть, один молодой, освоившийся. Остальные или ранены или убиты. Отделение опять пополняют, и хорошо, если опытными бойцами, после госпиталя».

#### **Комментарий.**

Осознанность и произвольность – понимание того, что делаешь, – отличает профессионала от непрофессионала, молодого – от опытного специалиста. Кто-то заметит, что есть ноу-хау, неизреченные экспертные знания, молчащие знания и пр. Все так. Здесь пример важен для понимания процессов формирования сознания опытного боевого подразделения. Конечно же, в данном примере концептуально-понятийный пласт не рассмотрен в буквальном смысле, но пространство мышления и внимания опытного бойца в атаке его философию, несомненно, раскрывает.

### **Феномен формирования коллективной (командной) личности**

«Вот представь себе ситуацию. Стоим в обороне, готовим наступление. Против нас – старый противник, нас хорошо знает. Мы уже пробовали его сбивать с позиций, перед тем как фронт стабилизировался, – не получается. Что делает наше командование? За несколько дней до наступления перебрасывает нас на другой участок. Начинается наступление, и мы идем, и нового для себя противника гоним и гоним. Он так упрется, мы его эдак берем. Чтобы он ни делал, не может нас удержать и все. Через две-три недели вдруг – перестает у нас получаться. С какого бока не зайдем, какие уловки не применим, не идет дело: все атаки отбивает! Командование засылает разведку – узнать, что за часть у немцев против нас воюет. Разведчики либо документы после вылазки принесут, либо языка

возьмут. И что ты думаешь? Перед нами старые знакомые. Немецкое командование узнало, кто у нас на этом участке воюет, и выставило против нас того, кто нас знает и может сдержать. И мы уже можем продвигаться, если только немца обстоятельства заставляют отходить. Вот так».

### **Комментарий.**

Еще один пример, доказывающий то, что командная личность – не надуманная вещь: и немецкое, и советское командование учитывало коллективный почерк своих подразделений и подразделений противника.

Как говорят опытные подводники, экипаж подводной лодки – это один человек! Если кто-то заболел, то происходит перераспределение здоровья между другими – боевые товарищи заменяют больного, «становятся здоровее»!

Вот еще один пример «перераспределения» ответственности, а вернее – жизненного потенциала в команде. Рассказ «Как бросать гранаты».

«Ты чего, <биип>, думаешь, как в кино, так и на самом деле было, <биип>?! Конечно, <биип>, если рядом с тобой комиссар с пистолетом в окопе сидит и приказывает с гранатой из окопа вылезать и под танк – как миленький вылезешь и будешь кидать эту гранату... Так в бою ты можешь и уцелеть, а вот комиссар точно пристрелит за невыполнение приказа. Только толку от таких “подвигов” немного было, <биип>! Когда я первый раз в бой попал вместе с другими бойцами, необстрелянными еще, то как раз на нас танки немецкие пошли. “Старики” нам приказали вообще сидеть на дне окопа и не рыпаться, потому что немцы лупили по окопам так, что не высунешься. Они сами, без нас отбивались – разобрали противотанковые гранаты и кидали их на звук подходящего к окопам танка. А чтобы попасть, по окопу перебежали к тому месту, куда танк подходит. А граната, <биип>, тяжелая, около килограмма, ее далеко и не кинешь. При мне, рядом, бывалый солдат так гранату в танк и кинул. Удачно кинул, гусеницу танку перебил, поэтому танк до нас не доехал. Но пока он кидал, и его рука с гранатой над бруствером мелькнула, из танкового пулемета ему в эту руку немец две пули всадил, <биип>! Голову бы он высунул, ему бы голову разнесло, <биип>, А ты, <биип>, говоришь, из окопа в полный рост с гранатой, <биип>, как в кино, <биип>. Слушать противно, <биип>! Я такие фильмы и не смотрю никогда, вранье все, <биип>, <биип>!»

## Феномен проявления командной (коллективной) воли

### Рассказ называется «Прорыв колонны».

«Где-то подо Львовом уперлись в немца, стоим уже несколько дней. Линия фронта проходит поперек долины, а по долине идет дорога, вполне приличная, не проселок. Сил у нас и у немцев примерно одинаково, но немец сидит в обороне, на нас не давит, поскольку Львов и так почти окружен. А метрах в двухстах в тылу за нашими окопами вся долина довольно круто поворачивает, и что там, за поворотом, ни нам, ни немцам не видно. И вот около полудня слышим сзади – гул моторов. Смотрим выезжают из-за поворота несколько автомобилей «Додж 3/4» американских с нашими реактивными установками. Автомобили эти были немного покрупнее «виллиса», а реактивная установка – не от «катюши», поменьше, может быть – авиационная. Водитель там сидит слева в отдельной кабине, а справа от него – установка и направляющие стоят почти горизонтально. В установке то ли шесть, то ли во семь реактивных снарядов. А у водителя – кнопка запуска. И вот только первый автомобиль повернул и встал вдоль долины, водитель прямо на ходу нажимает эту кнопку и снаряды с небольшим интервалом начинают лететь в сторону немцев. И никуда он особенно, судя по всему, попадать и не собирался, потому что разброс этих снарядов был большим: то он ямку объедет, а снаряд в склон долины долбанет, то машина в другую ямку немного нырнет – так чуть по своим не влепит. Как только у первой машины боекомплект весь вылетел, она отворачивает в сторону, водитель вылезает и по-быстрому из кузова берет другие снаряды и заряжает свою установку. А в это время уже вторая машина пускает свои снаряды, а за ней идут в готовности еще штук десять “Доджей”. Первая машина как готова, встает в хвост последнему “Доджу”, едет и ждет своей очереди стрелять. Таким порядком они едут и непрерывно стреляют. Ну, в общем, шороху навели – немцам ничего не видно за разрывами и за дымом, они только по сторонам кинулись, подальше от этого безобразия. Да и наши немного растерялись – не знал же никто, что происходит, тоже в стороны стали расплзаться. Так эти “Доджи” и проперли через нас и через немцев. А за ними – Т-34, броневики, грузовики с пехотой, с грузами, целая колонна, батальон пехоты, не меньше. Ну и замыкали всю колонну тоже танки. А когда колонна шла через немецкую полосу обороны, и танки, и пехота тоже не стеснялись, если нужно, стреляли. Длилось это недолго: минут через двадцать, тридцать уже все затихло – этой колонны как и не было. Так и ушли они по этой дороге в тыл к немцам выполнять какую-то свою задачу».

**Комментарий.**

Командная реальность телесности создает возможность для проявления командного сознания, далее следует личность и наконец – воля.

Когда данные пространства сформированы, возникает возможность проявиться командному духу – добродетели команды, особому состоянию силы, мужества и доблести у воина в бою, когда многие вещи разворачиваются как бы сами собой, легко и непроизвольно. В вышеприведенном примере опешил от слаженности действий колонны, идущей в немецкий тыл, не только противник, но и наши.

Надеюсь, что примеры все сказали сами за себя, если нет, то мой комментарий был уместен.

**Феномен разворачивания командного (коллективного) внутреннего пространства****Рассказ называется «Кровь».**

Это уже мое описание – моя история, а не из книги, что цитировалась выше.

Полагаю полезным оговорить следующий момент: большинство читателей подумают, что предлагаемый текст скорее художественный, чем научный. Соглашусь, но замечу, что феноменологическое описание требует предъявления ситуации и ее очевидную зримость для читателя, иначе теоретические рассуждения и выкладки «повиснут в воздухе». Поэтому «художественность текста» – здесь мера необходимая, вынужденная.

Речь в предлагаемом примере пойдет о разворачивании управленческих виртуалов – пространств деятельности людей, – о динамическом аспекте командообразования. Особо обращаю внимание на то, что виртуал командных (коллективных) действий может развернуться из любого элемента любой реальности, но лишь таких, что имеются у каждого из участников коллективного действия.

«День ничего не предвещал. Стояла глубокая осень. Шла полоса типичной ленинградской погоды: дни походили один на другой и в этой череде однообразно тоскливых дней, произошла эта история. Лет уж двадцать минуло с той поры, но вижу все до мело-

чей. Не могу вспомнить лишь одного, что было до – перед самим событием, – и сразу после него: ретроградная и антеградная амнезия, как говорят коллеги-врачи.

Проходили мы тогда военно-полевую хирургию, и в плане наших занятий стояла тема “заготовление... крови в войсках”. Порядок организации этого процесса нам, слушателям военно-медицинской академии, предстояло изучить, что называется на месте: гарнизонная станция переливания крови производила забор крови в одном из военных училищ города Ленинграда...

Как обычно, с утра моросил дождь, хмурое питерское небо стояло прямо над лужами, сырой, холодный, мерзкий ветерок хотя и не так уж, чтобы дул, но пробирал до костей. В **этой серой унылой** пелене мы и прибыли на место.

Добротное дореволюционное здание, еще юнкерского училища, отзывалось эхом шагов в пустынных длинных коридорах казарменного корпуса. Высокие сводчатые потолки, лепнина, вытянутые арочные окна, широкие лестницы с дымчатыми мраморными ступенями, черным кованым металлом решеток перил и отполированным за столетие руками благородством темных поручней, стены в сажень толщиной, гармонично окрашенные в классическое сочетание бежевого и белого цветов, и никого кроме одиноких дневальных, вззирающих на нас как на инопланетян: все на занятиях, а тут вдруг летчики – мы будущие авиационные врачи носили голубые погоны, – ищущие казарму такого-то курса...

Личного состава курса, куда мы пришли, не было. Как оказалось, командование воспользовалось днем донора – когда нет занятий, – для решения каких-то своих воспитательных задач. Не прибыли еще на место и коллеги со станции переливания крови. Ожидание дало возможность мне немного побродить, почувствовать иной, отличный от привычного академического, строй армейской жизни. Вдохнуть, ощутить неожиданное сочетание благородного микроклимата старинного здания и резкого аромата молодой, наполняющей его жизни...

Вдруг появился личный состав станции – медсестры, врачи и основная рабсила – военные санитары. За суетой развертывания медицинского оборудования я не сразу обратил внимание на майора медицинской службы – начальника станции переливания крови. Невысокий и щуплый, если не сказать, неказистый, такой же

серый и обыденный как осенний ленинградский день и его серая вытертая, совсем без ворса парадная шинель, он производил впечатление человека отсутствующего и даже лишнего: процесс, налаженный и отработанный, катился сам собой. Сапоги, португя, шинель его – опрятные, но уже выдавшие виды, – офицерский загар – все отличало его и от моих преподавателей по академии, и от его же коллег, облаченных в белые халаты.

Я почему-то начал “тенью” ходить за ним, и вдруг я ощутил и свою собственную сторонность происходящему. Все работают и все знают, что делать, и майор знает, что должно быть и что происходит, и только я и мои однокашники, которых, как и меня, насколько я видел, никто не замечает, – здесь то ли зрители, то ли статисты...

Организационная суета угасла. Все развернуто. Все готовы. Повисла тишина. Майор неторопливо прохаживается по коридору. Все ждут. Атмосфера как в театре перед занавесом.

Наконец появляется курс. Сначала курсанты, построенные во взводные коробки в колонну по четыре, с ними курсовые офицеры, и, наконец, начальник курса и замполит. Просторный коридор с высоченными сводчатыми потолками позволял свободно двигаться выстроенной, слаженной военной махине.

– Ку-ууурсс... Стой! – разнеслось в коридоре над ровным, уверенным шагом полутора сотен здоровых, молодых тел.

На счет раз, два, что я, проверяя про себя, отсчитал, курс четко встал и замер.

– Напра-аа-во!.. Равнясь!.. Смирно!..

Начальник курса принял доклад дежурного офицера и отдал команду вольно. По строю пошло сдержанное оживление. Командование курса и начальник станции переливания крови представились друг другу и стали, по-видимому, обсуждать суть дела. Разговор их продолжался не долго: курс готов, готова к работе и станция. Во время разговор я увидел вопросительный кивок головы начальника курса в нашу сторону – в сторону «статистов», – майор что-то ему ответил, тот понимающе кивнул головой еще раз... Какие-то последние согласования... Все, обстановка ясна. Все пойдет своим чередом.

Все так и пошло. Вновь прозвучали команды: “Равнясь! Смирно!..” – строй замер. Начальник курса еще раз принял доклад, что-то сказал о запланированном дне донора и передал слово

начальнику станции переливания крови. Майор вышел вперед и начал говорить о порядке работы. Говорил он не много, все по существу дела, прямо, просто и без обиняков. Слушали его курсанты серьезно: выяснилось, что это первый день донора в истории их жизни и в истории их курса. В конце своего обращения майор задал традиционный вопрос: “Есть ли вопросы?” Общее напряжение к этому моменту несколько спало, и из строя донесся чей-то бравирующий с ехидцей голос: “А мы не обязаны кровь сдавать! Вообщето, это дело-то – добровольное!”

Все замерли в ожидании.

– Вы так считаете? – майор обратился ко всем, ничуть не смутившись.

– Да! – послышались и другие голоса из строя.

Строй ожил и забурился... Майор посмотрел через плечо на командование курса – офицеры своим видом показывали, что дело тут тонкое, курс – вот он, – разбирайтесь, мол, сами...

– Если вы больны или плохо себя чувствуете, то, конечно, кровь вы сдавать не должны, – попытался разрядить ситуацию майор.

Буза хоть и шутками, начала нарастать...

– Значит, говорите – не обязаны!?

– Нет! Не обязаны! – в ответ уже дружный хор курсантов, стоящих по стойке вольно.

– Хорошо! – обращаясь ко всем, сказал майор, обернулся к начальнику курса и попросил его – Прикажите, пожалуйста, принести Устав вооруженных сил!

Над всеми повисло замешательство. Я тоже удивился: вроде в Уставе про это нигде не написано...

– Дежурный, принести Устав! – отдал приказ начальник курса с некоторым внутренним недоумением.

– Дневальный, принести Устав! – дублировал команду дежурный сержант, крикнув в гулкий конец коридора.

Вдалеке было видно, как дневальный из тумбочки достал знакомую малиновую книжку и шагом, не спеша, направился в нашу сторону. Курсанты, да и мы – статисты, – замерли заинтригованные. Офицеры с серьезными, но тоже с явно озадаченными лицами, взирали на происходящее. Больше других недоумевает замполит, отметил я про себя. Один майор – начальник станции переливания

крови, – был спокоен. Он просто стоял один перед строем и ждал, когда ему принесут Устав, не обращая внимания на происходящее. Напряжение нарастало...

– Бегом! – зло крикнул замполит.

И дневальный рысью полетел к нам. За три шага до начальника курса перешел на строевой, но тот, дернув рукой, показал ему пальцем на майора.

И вот, Устав в левой руке майора. Он поворачивается к насто-роженному строю. Все молчат. Я все хорошо вижу, т. к. замечаю, что стою почти по середине коридора, прямо передо мной майор, за его спиной слева от меня все офицеры, курс – справа. Партер...

Все ждут. Ждет и майор.

Догадываясь каким-то шестым чувством, что сейчас что-то должно произойти, понимаю неуместность своего положения и тихонечко сдвигаюсь ближе к стене.

Майор подается немного назад и через левое плечо выразительно смотрит в глаза начальнику курса. Тот, наконец, понимает, стряхивает замешательство, поворачивается к курсу:

– Куу-рс!.. Равня-йсь!.. Смирно!.. – звучит его команда жестко, но с отчетливым ожиданием...

– Курс, – обращается майор, – слушай Присягу! – отрывает первую страницу Устава, где опубликована Присяга, и начинает читать.

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы, приказы командиров и начальников...

Вижу, как, начиная улавливать пафос момента, офицеры, мои однокашники вытягиваются по стойке смирно. Чувствую, что, и я сам тоже внутренне собрался.

– Я клянусь, – продолжает читать майор, – добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству...

Майор читает, а я про себя думаю – к чему это он клонит? Вижу недоумение и в лицах курсантов. Смотрю – и офицеры озадачены не меньше...

– Я, – продолжает он дальше, – всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови! – с ударением на “крови” читает майор, делает паузу...

Строй аж покачнулся! В этот миг в моей голове проносится: “Вот сукин сын!”. В меня бьет горячая волна, идущая от курсантов, да и самого, что называется, пробрало...

Майор же держит паузу. Поднимает голову, смотрит на строй и говорит, с металлом в голосе, с расстановкой чеканя слова:

– Для господ курсантов, ... позабывших слова Присяги, ... читаю еще раз! – Не щадя своей кро-ови, – выделяет он, – и самой жизни для достижения победы над врагами...

Видю, как начальник курса становится красным как рак. На лицах курсовых офицеров – ошалелое восхищение. Замполит бледнеет, втягивает голову в плечи и, сгибая руки в локтях и сжимаемая кулаки, приседает как перед борцовской схваткой...

– Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся\*. – Заканчивает майор в звенящей тишине. Заканчивает, гулко захлопывает Устав и, не поворачиваясь, отставляет левую руку с ним за свою спину назад...

Заключительная сцена в «Ревизоре» Н.В.Гоголя – ничто, по сравнению.

Первым пришел в себя дежурный – подхватил из рук майора книгу и отскочил в сторону. И правильно сделал. Поперек его траектории отхода уже двинулся к строю начальник курса.

– Куу-рс!.. – взревел он с потягом, охватывая все пространство этажа. – У-ууу, с...! Я вас научу Родину любить! – безошибочно прочитал я в его голосе.

Курс, и так уже стоявший по стойке смирно, вытянулся как струна.

– Отставить!.. – курс как один человек – подался назад.

– Куу-рс!.. – громыхало в коридоре, – Напра-во!.. – Рота почетного караула Кремля – цирк на палочке. – Куу-рс! На сдачу крови,.. Шагом!.. Марш!..

\* Общевоинские уставы Вооруженных Сил СССР. – М.: Воен. Изд-во МО СССР, 1970.- С. 5.

Курс – монолит, железобетон, – двинулся на сдачу крови.

Курсовые офицеры, обретя невидимую опору понимания и назначения своего присутствия, пристроились и зашагали в ногу с курсом... Замполит, проходя мимо дежурного по курсу, зло вырывает у того из рук малиновую книжку Устава. Да, дело-то, оказывается, – политическое, отметил про себя я, переводя дух от только что произошедшего...

Курсанты, обнаженные до пояса, с серьезными лицами выстраивались офицерами в очереди к развернутым пунктам забора крови, медперсонал слаженно работал, замполит со строгим лицом деловито курсировал по всему пространству, сжимая в руке Устав. Все организовалось и запустилось, будто по взмаху волшебной палочки.

Майор – начальник станции переливания крови, – вновь посерел, приобретя обыденный, незаметный вид, сложил руки за спиной и стал прохаживаться по коридору, не обращая особого внимания на налаженный процесс...

Была, правда, еще одна сцена, что врезался в память, нарушая общую идиллию, но добавляя еще один яркий мазок во все происходящее.

Один из курсантов стал «увиливать», но дезертирство было пресечено на месте. «Вы сачок, курсант такой-то!» – ревел замполит: «Сдать кровь!»

– Я не могу, у меня же был гепатит! – жалостливо возражал курсант с обидой в голосе.

– Я вам покажу гепатит... У вас на все есть свой гепатит... Сдать кровь, курсант такой-то!.. Сестра, – обратился замполит к медсестре, – Возьмите у него кровь!

– Я не могу, если у него был гепатит, – возражала испуганная медсестра. – Мы не имеем права брать кровь, если человек переболел гепатитом, т. к. **можем заразить больного, которому ее перельют**, – оправдываясь, лепетала медсестра...

– Я вам приказываю – взять кровь!

– Что я с нею буду делать?

– Возьмите кровь у курсанта такого-то и отдайте ее ему! Пусть он с ней, что хочет – то и делает! Взять кровь!.. Сачок!.. – после чего последовало перечисление всех прегрешений этого курсанта.

По насмешливому виду его товарищей, я смог догадаться, что этот курсант был человек, действительно, “заслуженный”...

После произошедшего организация забора крови, развертывание и свертывание медицинских сил и средств, все это уже стало малоинтересным. Как не удивил меня и тот самый курсант, убегающий куда-то по коридору с полиэтиленовым медицинским пакетом, заполненным своей кровью. Ведь все шло уже своим чередом, это была обычная, будничная текучка. Помню свое настроение и внутреннее состояние когда я возвращался в академическое общежитие слушателей, повторяя про себя ожившие слова присяги, не обращая внимания на промозглый сумеречный ленинградский вечер, и вспоминал этого майора... Я шел, заложа руки за спину, сливаясь своей намокшей серой шинелью с лужами, домами, небом... Пешеходы проходили мимо, не замечая меня, и город жил какой-то своей, одному ему понятной, обыденной жизнью...»

### **Комментарий.**

Итак, в данном рассказе, надеюсь, достаточно ясно представлено как развертываются миры в управлении – пространство совместных действий офицеров, курсантов, сотрудников станции переливания крови...

Еще раз обращаю внимание на то, что пусковым крючком, запустившим порождение пространства слаженных, согласованных совместных действий, стало слово «кровь» из текста Присяги. Оставим в стороне возможные замечания о «несерьезности» аргументации или даже об откровенной манипуляции со стороны начальника станции переливания крови: один элемент – одно слово – запустил самоорганизующийся процесс деятельности более чем сотни человек.

### **Заключение**

В настоящей работе многое осталось «за кадром». Тем не менее следует подчеркнуть, что системная модель командного виртуала охватывает статический и динамический модулы бытия команды, ее онтологическую структуру (элементы, порождающую и порожденную реальности, роторную и дивергентную компоненты), инвариантную траекторию становления в пространстве физически реализуемых состояний с иерархией. Порожденный феномен актуального существования команды на уровне целост-

ности, определяемый через понятие «виртуал команды», включает обыденное (консуетальное) состояние и регистры развала деятельности (ингратуалы) и сверхэффективного ее функционирования (гратуалы). Уже формализовано понимание нормальной и патологической онтологии в пирамиде командного виртуала, включая его телеономическую (целевую) и деятельностьную составляющие, а также его тело и оболочку, что также не было рассмотрено, как и не были приведены феноменологические примеры (видовые проявления) – казусы, нормы и патологии при синонимичном и аномичном способе формирования виртуса (в обыденном понимании – духа) команды.

Все это – предмет для последующего более подробного сообщения.

### Примечания

- <sup>1</sup> Акмеологический словарь / Под общ. ред. А.А.Деркача. М., 2004.
- <sup>2</sup> Виртуал – 1) обобщенное название для виртуальных событий, виртуальной реальности, совокупности виртуальных реальностей, фрагмента виртуальной реальности в противопоставлении себе; 2) видовое название для гратуала и ингратуала в противопоставлении консуеталу. Виртуал, в отличие от других психических производных, вроде воображения, характеризуется тем, что человек воспринимает и переживает его не как порождение своего собственного ума, а как реальность. Виртуал обладает следующими свойствами: непривыкаемость, спонтанность, фрагментарность, объективированность, измененность статуса телесности, сознания, личности и воли (*Носов Н.А.* Словарь виртуальных терминов // Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 7: Тр. Центра профориентации. М., 2000).
- <sup>3</sup> *Яковлев Ф.* Рассказы моего отца. Как воевали на той войне. М., 2004. Здесь и далее примеры из данной книги. Книга же любезно предоставлена автору А.Ф.Яковлевой – старшим научным сотрудником Ин-та философии РАН, за что ей выражаю искреннюю признательность.